

КАРТА ПАМЯТИ О ГУЛАГЕ – ПРОБЛЕМЫ И ЛАКУНЫ

Ирина Щербакова

Ирина Щербакова – кандидат филологических наук, руководитель молодежных и образовательных программ международного правозащитного общества «Мемориал». Адрес для переписки: Малый Каретный переулок, 12, Москва, 127051, Россия. irina.sherbakova.memorial@gmail.com.

Документы, отражающие личный опыт узников ГУЛАГа (дневники, переписка, автобиографическая проза), сыграли важную роль в распространении информации о советских лагерях с самого начала их возникновения. В публичном советском пространстве голоса людей, проводших годы в тюрьмах, лагерях и ссылках, зазвучали лишь после смерти Иосифа Сталина, в период оттепели. Поток автобиографической литературы особенно усилился во время перестройки и сразу после распада СССР. В 1990-е годы воспоминания были дополнены архивными документами. Получил распространение метод устной истории. Такого рода документы представляют несомненную ценность для исторического исследования, однако с изучением личных документов связан ряд трудностей: проблема датировки воспоминаний, необходимость учитывать при анализе поколенческую, социальную и гендерную специфику мемуаров. До сих пор работа с этими источниками велась преимущественно по фактографической линии, не предпринималось глубокого анализа структуры существующего корпуса личных документов, не рассматривался вопрос о том, что именно и каким образом люди вспоминали.

Ключевые слова: автобиографическая проза; ГУЛАГ; исследования памяти; личные документы; методология исторического исследования; Советский Союз; тоталитаризм; устная память

РОЛЬ МЕМУАРОВ В СОЗДАНИИ ПУБЛИЧНОЙ ПАМЯТИ О ГУЛАГЕ: О ПЕРИОДИЗАЦИИ И АВТОРАХ

До сих пор существует расхожее представление о том, что до появления произведений Александра Солженицына не было никаких публикаций, посвященных ГУЛАГу. На самом деле разного рода информация о советских лагерях появилась на Западе очень рано, буквально сразу после их возникновения. Первые публикации относятся к середине 1920-х годов, затем их становилось все больше. Однако важно понимать, что одно дело – сами публикации, число которых, по мере того, как рос ГУЛАГ, увеличивалось. Другое дело – вопрос о том, в какой мере эти публикации влияли на общественные представления, и стали ли они частью публичной памяти о репрессиях.

Например, уже в 1920–1930-е годы на Западе появился целый ряд публикаций, посвященных Соловецким лагерям (их авторами были очевидцы, которым удалось выбраться из СССР). Но их голоса не были слышны, они шли враз-

рез с представлениями левого интеллектуального большинства о первом в мире государстве рабочих и крестьян. Кроме того, после прихода к власти Адольфа Гитлера многие интеллектуалы считали, что необходимо поддерживать Иосифа Сталина как меньшее зло. Отторжение вызывало и то, что подобные свидетельства использовались в качестве антисоветской пропаганды. В Германии, например, миллионными тиражами в 1938–1941 годах выходила книга Карла Альбрехта «Преданный социализм» (Albrecht 1939). Ее автор – бывший немецкий политэмигрант, ставший советским партийным функционером, – был арестован в 1930-е годы в СССР и выслан из страны. В этой книге много неточных фактов, она явно переделывалась редакторами из геббельсовских структур, в ней силен налет антисемитизма, но в то же время она содержит множество достоверных описаний советской тюремной и лагерной системы. Однако пропагандистская направленность книги не могла вызвать к ней доверия у тех, кто не хотел получать информацию из рук нацистов.

После подписания пакта Молотова–Риббентропа более тысячи немецких политэмигрантов, арестованных в СССР, были высланы в Германию и переданы непосредственно в руки гестапо. Среди них оказались и те, кто впоследствии записал и опубликовал свои воспоминания. Наиболее известной стала книга немецкой коммунистки Маргарете Бубер-Нойман «Узница Сталина и Гитлера» (Buber-Neumann 1949). После того как Бубер-Нойман выдали гестапо, она попала в концлагерь Равенсбрюк, а стало быть, могла сравнивать, как функционируют обе системы. Вокруг ее книги, написанной после войны, возник большой скандал, потому что коммунисты (прежде всего, во Франции) обвинили ее в клевете на СССР. (В конце 1940-х годов состоялся знаменитый процесс над Виктором Кравченко, невозвращенцем, попросившим во время Второй мировой войны политическое убежище в США и издавшем в 1946 году книгу «Я выбрал свободу», в которой рассказывал о коллективизации, голоде и репрессиях (Kravchenko 1946). Французские коммунисты в судебном порядке обвинили его в клевете. Процесс, на котором в качестве свидетелей выступали многие бывшие сталинские узники, в том числе и Бубер-Нойман, Кравченко выиграл.)

В ходе войны на Западе оказалось большое количество перемещенных лиц (и насильно вывезенных немцами, а потом не вернувшихся в СССР, и ушедших добровольно вместе с немецкой армией), у которых за плечами был тюремный и лагерный опыт. Некоторые из них также описали пережитое в СССР, а наибольшую известность впоследствии получили воспоминания бывшего партийного функционера Абдурахмана Авторханова (1976), посвященные советской партийной системе.

Со второй половины 1950-х годов на Западе появились и другие очевидцы – те, кто познакомился с системой ГУЛАГа уже в послевоенное время. Это были преимущественно молодые люди, арестованные советскими оккупационными властями в Восточной Европе и обвиняемые в шпионаже и антисоветской деятельности. После освобождения в 1950-е годы некоторые из них публиковали свои воспоминания на Западе.

Разумеется, в СССР публикации, посвященные политическим репрессиям, до смерти Сталина были невозможны. Правда, на раннем этапе, в 1920–1930-е годы, информация о лагерях появлялась в открытой печати. Однако она была, как правило, посвящена проблемам «перевоспитания» с помощью полезного труда «социально-близких», прежде всего – бывших уголовников. Именно в таком духе была написана известными советскими писателями под руководством Максима Горького после поездки на Беломорканал знаменитая книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (Горький, Авербах, Фирин 1934).

Конечно, и в опубликованной литературе 1930–1940-х годов можно найти косвенные упоминания о репрессиях (причем речь не идет в данном случае о пропагандистской литературе, кинофильмах и пр., посвященных разоблачению «врагов народа»). Такие следы можно обнаружить, например, у Аркадия Гайдара в повести «Судьба барабанщика» (1939), герой которой – подросток, остающийся в одиночестве после ареста отца, очевидно порядочного человека, в виновность которого он не может поверить.

Другая вариация этой темы в советской литературе – рассказ о людях, героически трудившихся на дальних стройках во время войны (разумеется, без упоминания о том, что речь идет о стройках ГУЛАГа). Такой сюжет имеет роман «Далеко от Москвы», написанный бывшим заключенным Василием Ажаевым (1948), однако эскизы превращены в нем в свободных строителей. Упоминания об аресте и заключении героев есть в первой части дилогии Василия Гроссмана «За правое дело» ([1952] 1998).

Голоса людей, проводивших годы в тюрьмах, лагерях и ссылках, впервые зазвучали лишь после смерти Сталина, в середине 1950-х годов. Вначале это были в основном передававшиеся из уст в уста рассказы тех, кто возвращался из ГУЛАГа. Это прерывание многолетней немоты связано в том числе и с процессом реабилитации – освободившиеся из заключения пытались добиться справедливости: писали заявления, автобиографии, рассказывали о том, что пережили. После XX съезда КПСС и официального осуждения культа Сталина этот процесс пошел гораздо быстрее. Можно сказать, что этот период был наиболее активной фазой «воспоминания» для тех, кто был репрессирован в 1930-е годы, и продолжался он примерно десять лет, до 1965 года (совпадая тем самым с периодом оттепели). Для лагерной мемуаристики это было очень продуктивное десятилетие: с одной стороны, появилась временная дистанция между событием и рефлексией по его поводу, впечатления «отстоялись», а с другой – память у бывших узников была еще свежа. К тому же возникла, пусть и робкая, надежда на публикацию. Поводом для нее стал напечатанный в 1962 году в журнале «Новый мир» и вызвавший огромный резонанс рассказ Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». После его появления у многих бывших заключенных возникла потребность как-то ответить, дополнить, рассказать о своих переживаниях. И хотя, конечно, преувеличением является фраза Никиты Хрущёва, сказанная им на XXII съезде партии, о том, что по Москве ходят тысячи таких воспоминаний, именно этому периоду мы обяза-

ны появлением лучших образцов лагерной литературы, в том числе так называемой исповедальной прозы Варлама Шаламова. Однако его знаменитые «Колымские рассказы» были опытом художественного осмысления, а не документальным рассказом о лагерях.

Мемуары о ГУЛАГе, опубликованные в СССР в период оттепели, можно буквально пересчитать по пальцам, и все они проникнуты духом «восстановления ленинских норм». После снятия Хрущёва в 1964 году надежды на публикацию уже не было; воспоминания теперь пишутся «в стол», в основном в расчете на близких и детей. Пишут, чтобы рассказать о том, что пришлось пережить.

С середины 1960-х годов и вплоть до начала перестройки лагерная мемуаристика и посвященная сталинским репрессиям художественная литература находит себе место лишь в неподцензурном пространстве, прежде всего – в самиздате. В эти же годы в эмигрантском издательстве «ИМКА-Пресс» печатается «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына (1973). «Архипелаг» поражает читателей своей масштабностью и обилием живых свидетельств. В 1976 году появился и первый из самиздатовских сборников «Память» (которые затем перепечатывались в Нью-Йорке и Париже); материалы для них собирали диссиденты и подпольные историки, в том числе Арсений Рогинский, нынешний председатель общества «Мемориал».

Именно мемуаристика и другие документы личного происхождения (письма и дневники) являются в это время основным источником знания о репрессивной системе, поскольку архивы, содержавшие документы о репрессиях, были полностью закрыты, и даже общего понимания о том, что же в них могло сохраниться, у историков не было. Фактически первой книгой, обобщающей известные к этому моменту источники, было исследование британского историка Роберта Конквеста «Большой террор» (Conquest 1968), тайно «просочившееся» в начале 1970-х годов в СССР.

Прорыв к читателю происходит лишь с началом перестройки. С 1987–1988 годов начинается, наконец, широкая публикация ранее написанных воспоминаний, пишутся новые. Они появляются в выходящих миллионными тиражами журналах и газетах, активно издаются книги и сборники мемуаров. Прерывают многолетнее молчание и те люди, которые до сих пор предпочитали не говорить о своем лагерном опыте. Свои воспоминания о репрессированных родителях публикуют дети «врагов народа». Они рассказывают о жизни родителей, о сиротском детстве, об арестах, свиданиях и переписке.

Пик читательского интереса к теме ГУЛАГа и мемуарных открытий приходится на 1989–1993 годы. В течение следующих нескольких лет бурный поток постепенно превращается в неиссякающий, но менее обильный ручеек. Издаются воспоминания академика Дмитрия Лихачёва (1995), актеров Георгия Жжёнова (2002) и Вацлава Дворжецкого (1994), сценариста Валерия Фрида (1996). В свою очередь воспоминания о ГУЛАГе публикуются в Прибалтике, Украине, Польше, Германии – во всех странах, где оказалось много людей, переживших репрессии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ

К сожалению, до сих пор усилия авторов и издателей были направлены главным образом в сторону увеличения количества публикаций мемуарных текстов и документов, освещающих тему репрессий. По-прежнему нет глубокого анализа, нет настоящей рефлексии – не по поводу того, «как было», а о том, «как вспомнилось».

Это неслучайно, поскольку задачи, стоящие перед исследователем лагерной мемуаристики, достаточно трудны. Прежде всего, работу исследователя затрудняет то, что воспоминания с трудом поддаются датировке. Под многими воспоминаниями, хранящимися в архиве общества «Мемориал», например, стоят даты, которые выглядят так: «1955–1975». Это связано и с бытовыми трудностями: тем, кто долгие годы провел в лагерях и ссылках, трудно было сразу же приниматься за мемуары, надо было возвращаться в реальную жизнь – найти жилье и работу, отыскать рассеявшуюся семью. Большинство текстов создавалось в течение многих лет. С подобными «продолженными» мемуарами должен работать текстолог, потому что они писались и переписывались, обрастая правками и «наслоениями».

Период до 1965 года характерен тем, что многие мемуаристы все еще находились в плену своих старых политических и социальных представлений. Им было важно доказать, что они ни в чем не виноваты, что всегда верили в партию, были честными коммунистами, арестованными по ложному доносу. Казалось бы, ГУЛАГ должен был излечить людей от подобных иллюзий, однако сложная лагерная система позволяла находить людей своего социального статуса, национальности, обладающих схожими жизненными ориентирами, и в своем маленьком коллективе сохранять «веру» – во Льва Троцкого или Владимира Ленина и, самое главное, в коммунистическую партию.

После 1965 года тон у многих мемуаристов меняется. Среди них появляются представители другого поколения – люди, попавшие в лагерь уже после войны. Это хорошо видно по биографиям таких известных авторов, как Камил Икрамов (1991), Тамара Петкевич (1993), Руфь Тамарина (2002). Представителям этого поколения уже не нужно доказывать, что они ни в чем не виновны. Общество уже созрело для понимания того, что для ареста и осуждения какая-то специальная причина была не нужна. Эти авторы уже гораздо более откровенны и свободны, когда говорят, например, о своем сексуальном опыте в ГУЛАГе, о лагерной иерархии или лагерном сопротивлении.

В ГУЛАГе оказалась большая группа людей дворянского происхождения, но, к сожалению, написанных ими мемуаров известно не много (из них, пожалуй, наиболее известны воспоминания писателя Олега Волкова «Погружение во тьму» (1987)). Однако память людей этого круга подвергалась очень сильному вытеснению – им приходилось скрывать свое происхождение, они боялись выявления своих связей с эмигрантами и были часто гораздо больше напуганы, чем «обычные» советские люди. Мало дошло до нас воспоминаний оппозиционеров, социал-демократов, троцкистов, потому что большинство людей с такой биографией подвергались репрессиям с 1920-х годов и просто не пережили заключение.

Кроме того, исследователю приходится учитывать, что сохранившиеся мемуары часто весьма однородны и в социальном, и в гендерном отношении, и не передают картины пестрого состава обитателей ГУЛАГа. И главное – то, что свои воспоминания оставили для нас в основном представители городской интеллигенции. Среди них больше женских мемуаров, потому что именно женщин оказалось больше среди выживших и доживших. Поддерживать память помогало продолжение общения в среде бывших заключенных, своеобразные землячества бывших узниц АЛЖИРа или колымчанок.

С начала 1990-х годов появляются публикации и исследования, описывающие ГУЛАГ на основе архивных документов (*Система исправительно-трудовых лагерей* 1998; *История сталинского ГУЛАГа* 2004). Родственники осужденных, сами бывшие узники и историки впервые знакомятся с таким важнейшим источником, как архивно-следственные дела, мемуаристам необходимо учитывать и вновь открытые архивные документы. Появляется документальная база – иногда воспоминания подтверждаются протоколами следствия, а иногда им противоречат. Взаимодействие памяти и документа – сложная тема. В то же время архивы предоставили возможность верификации тех воспоминаний, которые были написаны ранее по памяти, без доступа к документам. К тому же в независимых архивах, как, например, архив общества «Мемориал», собраны сотни неопубликованных мемуаров и документов из лагерной переписки, служащих созданию более полной картины памяти о ГУЛАГе.

В 1990-е годы возникает такое важное для изучения памяти направление, как устная история. Воспоминания бывших узников все чаще записываются на аудио- и видеопленку. Запись использовалась неофициальными историками и в семидесятые годы, однако особое значение она приобрела именно с конца восьмидесятых. Появилась возможность опросить тех, кто по разным причинам не написал мемуаров. Для тех, кто не мог и не умел писать сам, жанр устного рассказа оказался более естественным. В разговоре, как показала практика, человек мог коснуться болезненных и тяжелых тем, сообщить такие сведения, которые не решился бы изложить на бумаге. Кроме того, устный характер коммуникации накладывает отпечаток и на ее содержание: рассказчик с большей легкостью передает те тексты, которые изначально имеют устную природу, – слухи, анекдоты и пр.

Для того чтобы оценить значение воспоминаний, важно понимать, что практически не существует визуального ряда памяти о ГУЛАГе, что нет мемориальных комплексов (за исключением музея «Пермь-36», который прекратил существование в марте 2015 года). Сохранилось лишь несколько коротких документальных фильмов, которые снимались в 1930-е годы с пропагандистской целью – показать, что советские места заключения соответствуют целям исправления заключенных. По ним нельзя судить о реальной жизни советских заключенных. Трудно судить о ней и по немногим фотографиям, сохранившимся в личных архивах бывших узников ГУЛАГа. Таким образом, лишь немногие дошедшие до нас лагерные рисунки или предметы быта подкрепляют письменные и устные воспоминания.

Подводя итоги, можно сказать, что память о ГУЛАГе сегментирована и очень неполна, что работа историков шла в значительной степени по линии фактографической, а исследования, посвященные тому, что именно и каким образом люди вспоминали, крайне немногочисленны. Это большая лакуна. Огромный корпус сохранившихся в разных местах лагерных мемуаров фактически не исследован, не описан, не структурирован ни в хронологическом отношении, ни по каким-либо иным параметрам, детальный анализ этого материала только начинается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авторханов, Абдурахман. 1976. *Технология власти*. Франкфурт-на-Майне: Possev.
- Ажаев, Василий. 1948. *Далеко от Москвы*. М.: Советский писатель.
- Волков, Олег. 1987. *Погружение во тьму. Из пережитого*. Париж: Atheneum.
- Гайдар, Аркадий. 1939. *Судьба барабанщика*. М.: Детиздат.
- Горький, Максим, Леопольд Авербах и Семён Фирин, ред. 1934. *Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства, 1931–1934 гг.* М.: История фабрик и заводов.
- Гроссман, Василий. [1952] 1998. *За правое дело*. М.: Вагриус Аграф.
- Дворжецкий, Вацлав. 1994. *Пути больших этапов: Записки актера*. М.: Возвращение.
- Жжёнов, Георгий. 2002. *Прожитое*. М.: Пропганда.
- Икрамов, Камил. 1991. *Дело моего отца*. М.: Советский писатель.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в семи томах*. 2004. М.: РОССПЭН.
- Петкевич, Тамара. 1993. *Жизнь – сапожок непарный. Воспоминания*. СПб.: Астра-Люкс.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник*. 1998. М.: Звенья.
- Солженицын, Александр. [1962] 1990. *Один день Ивана Денисовича*. М.: Центр «Новый мир».
- Солженицын, Александр. 1973. *Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956. Опыт художественного исследования*. В 3-х томах. Париж: YMCA-Press.
- Тамарина, Руфь. 2002. *Такая планида, или Зарубки на «Щепке»*. Томск: Водолей.
- Фрид, Валерий. 1996. *Записки лагерного придурка*. М.: Издательский дом Русанова.
- Albrecht, Karl I. 1939. *Der verratene Sozialismus: Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion*. Berlin: Nibelungen-Verlag.
- Buber-Neumann, Margarete. 1949. *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*. Munich: Zwölf.
- Conquest, Robert. 1968. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. London: Macmillan.
- Kravchenko, Victor. 1946. *I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official*. New York: Charles Scribner's Sons.

GULAG MEMORY MAP: PROBLEMS AND GAPS

Irina Shcherbakova

Irina Shcherbakova holds a candidate of sciences degree in philology and is the director of youth and education programs at the International Memorial Civil Rights Society. Address for correspondence: Malyi Karetnyi pereulok, 12, Moscow, 127051, Russia. irina.sherbakova.memorial@gmail.com.

Documents depicting personal experiences of Gulag prisoners (diaries, correspondence, and memoirs) played an important role in disseminating information about the Soviet labor camps from the very beginning of their existence. In Soviet public space voices of the people who spent years in prisons, camps, and exile appeared only after Joseph Stalin's death and during the Thaw. The stream of autobiographical literature got especially strong during perestroika and immediately after the collapse of the USSR. In the 1990s personal documents were supplemented by archival materials. The genre of oral history became popular at that time as well. All these documents are unquestionably valuable for historical research. Nevertheless, there are a number of difficulties related to the study of personal documents. First, there is the problem of dating the memoirs. Secondly, the analysis should also be sensitive to generational, social, and gender specificities of the memoirs' authors. Up until now work with these sources has been mostly of a factual character. There is still a serious lack of in-depth analysis of the existing personal documents of that period, of what and how people remembered.

Keywords: Autobiographical Prose; Gulag; Memory Research; Personal Documents; Methodology of Historical Research; Soviet Union; Totalitarianism; Oral History